

ДУМЯ ПРУДИВОВ

Костяные корабли

Зов костяныѣ кораблей

Пробуждение
костяныѣ кораблей

RJ Barker

The
Call
of
Bone
Ships

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б25

RJ Barker
CALL OF THE BONE SHIP

Copyright © 2020 RJ Barker (original publisher Orbit, 2020)
This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd.
and The Van Lear Agency

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Баркер, Р. Дж.

Б25 Зов костяных кораблей / Р. Дж. Баркер ; [перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-04-164552-6

После появления аракесиана мир готов снова погрузиться в пучину войны, ведь кости морского змея — бесценный материал для кораблей.

Ужасная находка после кораблекрушения раскрывает команде «Дитя Приливов» часть бесчеловечного плана правительницы Ста островов. Но Удачливая Миас готова на все, чтобы остановить мать.

Джорон Твайнер открывает в себе непостижимый дар — он может песней призвать кейшана.

От действия Джорона, ветрогона и Миас зависят жизни множества людей. Они творят историю. Но за это придется дорого заплатить.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод
на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164552-6

Она оставила Избранника быть супругом
корабля,
Лететь по ослепительному морю,
Ходить по сланцу и сияющей кости,
Обещав, что скоро вернется домой.
Она летела высоко, она летела низко.
Греби, команда, греби.
От севера до юга она летела, оседлав шторм.
Греби, команда, греби.
От востока она летела до запада.
Греби, команда, греби.
И всегда думала о доме, хей!
Она всегда думала о доме.

*Из «Черного пирата» —
традиционной баллады*

1

Принесенные сильным ветром

Волны подобны памятникам: огромные и равнодушные, коронованные ослепительно белой пеной. Замерзавшая соленая вода перекачивалась по палубе «Дитя приливов», хватая неуклюжие ноги; от нее немели руки. Ветер, шум и гнев, такелаж на грани паники поет пронзительную песню о веревке; одинокие верхние крылья максимально раздулись. Лед на канатах, на палубе и лицах моряков, каждое движение несет опасность. Костяной корпус корабля стонет, жалуясь на волны. Женщины и мужчины, завернувшись в плащи, натягивают канаты и брашпили, вяжут узлы холодными, ничего не чувствующими пальцами. Они устали от таких дней и недель, от такой жизни. Но у них нет отдыха, потому что достаточно отвлекаться на мгновение, чтобы корабля не стало. Он перевернется, костяной киль будет торчать вверх, а команда окажется в смертельной хватке воды, попадет в жадные руки Старухи.

То было Дыхание Старухи, ярость Северных штормов.

Лишь одна фигура в этом хаосе оставалась неподвижной и терпеливой — она наблюдала. Неизменно наблюдала. Она стояла на корме своего корабля, и, казалось, будто шторм не в силах ее коснуться. «Дитя приливов» подскакивал и раскачивался, огромные волны толкали его то в сторону моря, то к берегу, а потом обратно, но *она* не шевелилась.

Удачливая Миас, ведьма пролива Килхьюм, величайшая супруга корабля из всех когда-либо живших.

— Корабль на горизонте!

Крик наблюдателя — поразительно, что человеческий голос способен пробиться сквозь шум и ярость шторма, — и в этот момент Миас из каменной неподвижности перешла к действию. Она промелькнула мимо Джорона Твайнера, крикнув:

— Корма за тобой, Джорон!

Миас взлетела вверх по главной мачте, словно ветер не грозил швырнуть ее в море, а лопнувшая веревка не могла разрезать надвое.

Далеко внизу Джорон с трудом перемещался по палубе. Брошенное слово, кивок, в ответ сильная рука помогала ему двигаться дальше по постоянно перемещавшемуся сланцу. И все это время он не отрывал глаз от горизонта — серой воды, смыкавшейся с черным небом.

— Поворот на четыре румба по курсу передней тени, хранитель палубы, — раздался крик Миас сверху; его собственный охрипший голос повторил приказ для Барли.

Под неслабеющий шум моря «Дитя приливов» начал поворот. Джорон отдал приказ, но ледяной ветер тут же его унес, а лед в уголках глаз исказил фигуру спускавшейся Миас.

— Хранитель палубы! — голос, способный пробиться сквозь любой шторм. — Рядом терпит крушение корабль, какой-то торговец, он вот-вот сядет на скалы возле маленького острова. — Она придерживала одной рукой богато украшенную шляпу с двумя хвостами, как и Джорон свою — только у его шляпы был один хвост. — Нам нужен ветрогон на палубе и немного спокойной воды, иначе мы сами напоремся на скалы.

— Слушаюсь, супруга корабля. Мы попытаемся их спасти? — спросил Твайнер.

— Или сами погибнем, если такова наша судьба. — Она улынулась ему, когда прокричала свой ответ под аккомпанемент горизонтального ледяного дождя: из-за того, что «Дитя приливов» являлся кораблем мертвых, все на

1. Принесенные сильным ветром

его борту были приговорены летать по морям Разбросанного архипелага до тех пор, пока не попадут в объятия Старухи. — Подготовь флюк-лодки и команды. — Вода лилась с краев ее украшенной вышивкой шляпы, капала с носа, собиралась на губах, струйками стекала по иссеченному ветром лицу. — Мы бросим абордажные крюки на борта и оттащим их подальше от скал.

Кости «Дитя приливов» отозвались стоном.

Миас отвернулась от Джорона к стоявшей у руля Барли.

— Держи корабль прямо по курсу, Барли! — Потом она крикнула в ветер: — Серьезный Муффаз! — Мать палубы, настоящий великан, появился из стены дождя. — Помоги Барли с рулем, я не хочу, чтобы мы налетели на скалы. — Она повернулась к Джорону. — Скажи Динилу, что он возглавит команду флюк-лодки. А ты возьмешь крыло-флюк.

— Слушаюсь, супруга корабля, — крикнул он, и дождевая вода тут же наполнила его рот.

Но ее ледяной вкус был несравним с холодом, который Джорон ощутил, услышав имя Динила. Когда-то он и смотрящий палубы были друзьями — даже больше, чем друзьями, — но потом все изменилось, и теперь их разделяла стужа, подобная дыханию Старухи. Он пересек палубу, от ванта до ванта, пройдя мимо ветрогона. Похожий на птицу говорящий-с-ветром был привязан к главной мачте, одежда и перья прилипли к худому телу, и, хотя он почти совсем не походил на человека, ветрогон, спиной прижимавшийся к главной мачте, являлся олицетворением страданий, которые все испытывали от постоянного ветра и холода.

— Не нравится, Джорон Твайнер, — проверещал ветрогон.

Он закрыл клюв, чтобы ледяная вода не попала внутрь. В нем было что-то от южных островов, где царили жара и песок, так что сырость, лед и холод делали его пребывание здесь еще более чуждым.

— Это пройдет, ветрогон, — прокричал он. — Помоги Миас, и нам удастся избежать столкновения со скалами.

— Не нравится, Джорон Твайнер, — снова прокричал он. — Не нравится! — Но Джорон уже прошел мимо.

— Фарис! Фарис! Собери команду для крыло-флюка, — прокричал Джорон.

Девушка — нет, теперь уже женщина — появилась из дождя, и ее покрытое шрамами лицо было почти невидимым под капюшоном плаща.

— Слушаюсь, хранитель палубы, — сказала Фарис. — В такую погоду в море будет мало веселого.

— Не стану спорить, но мы должны спустить лодки. Пусть Динил приготовит флюк-лодку.

— Я скажу ему. — И она исчезла в струях дождя.

Вода снова окатила палубу. Корабль поднимался и падал, поднимался и падал. Джорон страдал от холода и сырости так давно, что уже не представлял, что может быть иначе — хотя прошло не так уж много времени, всего шесть недель. Они шесть недель прочесывали самые северные районы Ста островов в поисках корабля, которого — Миас не сомневалась — вообще не существовало. Избранник Индил Каррад, мастер-шпион Тиртендарн Джилбрин, поклялся, что четырехреберник Суровых островов готовится к рейду. Впрочем, они так жили на своем корабле с тех самых пор, как «Дитя приливов» восстановили, одну миссию Каррада за другой, скорее видимость деятельности, чем настоящая работа.

Миас и Джорон уже не сомневались, что какими бы ни являлись истинные мотивы Индила Каррада, он не хотел, чтобы они находились в Бернсхьюме. Джорон считал, что они несут наказание за то, что не убили аракесиана, морского дракона, когда получили приказ, — именно так Каррад рассчитывал прекратить войну. Миас, видевшая во всем самое плохое, была уверена, что в их миссии имеется темная сторона. Она так же мечтала о мире — положить конец войне с Суровыми островами, бушевавшей, сколько

1. Принесенные сильным ветром

она себя помнила, — но в конце концов пощадила кейшана, позволив ему уйти за линию штормов. Теперь же ее тревожило, что достижение их общей цели — заключения мира — придется отложить, и Каррад решил удовлетворить свое тщеславие другим способом.

Однако Миас не рассталась с мечтой о море, где больше не рыщут боевые корабли. За время, что прошло с тех пор, как они отпустили кейшана, она познакомилась с Джорона с Безопасной гаванью, и он был ошеломлен тем, что сделали Миас и Каррад. В течение семи лет они вкладывали силы и энергию в свободный город, построенный отвергнутыми, потерянными и нежеланными. Место, в которое Миас едва ли попадет, опасаясь неминуемых шпионов. Место взаимной поддержки и безопасности для тех, кто желает избежать мельницы Ста островов или Суровых островов. Место, продолжавшее расти.

Да, не самое красивое: дороги — грунтовые, люди — грубые, а жизнь в больших хижинах — тяжелая, но Джорон прошел по улицам, восхищаясь тем, что такое место существует. Джорон знал, что Миас испытывает спокойную гордость, и он ее разделял, как и все супруги кораблей черного флота, собравшиеся вокруг Миас. Это стало чем-то существенным, настоящим, делавшим их борьбу стоящей.

— Флюк-лодки готовы, хранитель палубы, — сказала верная Анзир, тень Джорона. — Динил уже спустил свою лодку и гребет. Вот твой меч.

— Ну смотрящий палубы знает свое дело. — Джорон прикрепил меч к поясу, прямой клинок превосходной работы, подаренный ему Миас, который являлся самой ценной его вещью.

Он скорее утонет, чем расстанется с этим мечом. Скорее попадет в руки Старухи, чем предаст свою супругу корабля.

«Дитя приливов» опускался и вставал на дыбы на гигантских волнах, пространство вокруг большого костяного корабля и маленькой флюк-лодки увеличивалось и умень-

шалось, точно жадный рот. Сильные руки Анзир помогли Джорону перебраться через борт, снизу к нему потянулись другие руки — несмотря на его ранг и хорошее знание моря, он так и не научился самостоятельно спускаться с корабля в лодку — ребра и выступы «Дитя приливов» порождали в нем некоторую робость. Несмотря на этот недостаток, Джорона успели полюбить женщины и мужчины команды и помогали, ведь упасть в такую погоду в воду было равносильно смерти. Возможно, легкой смерти, ведь холод заберет тебя прежде, чем найдут морские существа, и все же это смерть.

— Гребите, мои девочки и мальчики, — сказал он, как только благополучно уселся на скамье. — Посмотрим, сможете ли вы догнать лодку смотрящего палубы. Нет, даже больше. — Он повысил голос так, что он разнесся над бурей и волнами. — Посмотрим, сможем ли мы его обогнать.

— Это рассердит Квелл за рулем, — закричала Фарис, — а кто не хочет ей досадить? — В ответ послышался смех, под капюшонами появились улыбки, хотя мускулы напрягались изо всех сил, чтобы работать тяжелыми веслами, и холод стал уходить.

Джорон стоял на носу лодки. Из маленького суденышка море всегда кажется более опасным: волны подхватывали ее и тут же швыряли вниз. Двум членам команды пришлось вычерпывать воду, чтобы их не затопило. Флюк-лодка, обычно такая послушная, просела в воде из-за большого мотка веревки на корме. Джорону было известно, что некоторые хранители палубы способны управлять каждым гребком и движением руля даже в такую погоду, но он к ним не принадлежал; он хорошо знал тех, кто его сопровождал, и верил, что они удержат маленькую лодку на плаву и направят ее в нужную сторону.

Он стоял, глядя на непрерывно менявшийся ландшафт кипящей воды, стараясь отыскать корабль, который терпел бедствие. В его сознании звучал голос хранителя палубы, во

1. Принесенные сильным ветром

многих отношениях похожий на голос его отца: *«Если сейчас так трудно грести, то насколько тяжело станет после того, как мы привяжем к своей корме громоздкого купца, построенного из коричневых костей? Насколько вероятнее будет шанс перевернуться — и тогда наш приговор будет приведен в исполнение?»*

А за этим голосом звучал другой, который он слышал все чаще и четче с каждым днем. Тот, о котором никогда никому не говорил. Это была песня ветрошпиля, однажды разделенная им с ветрогоном. Когда-то Джорон любил петь, но потом долго ненавидел — воспоминания о том, как он пел для своего потерянного отца, оставались слишком болезненными. Позднее голос к нему вернулся, и многие в команде считали, что именно его пение побудило кейшана спасти их от верной гибели. И в последовавший за теми событиями короткий период Джорон снова полюбил петь.

И хотя он чувствовал, что его мелодии слегка искажены чуждыми напевами ветрошпиля, помогавшего им ветрогону восстанавливать способность управления ветрами, он теперь был каким-то образом с ними связан. В нем постоянно присутствовало знание о чем-то огромном и в данный момент безмятежном, что двигалось вдоль его разума, вселяло в него искреннюю радость и одновременно пугало.

Вон там!

Сквозь бурю он наконец разглядел хорошо знакомую картину — разорванные крылья корабля, вздымающиеся с палубы, хлопают и трещат под порывами сильного ветра.

— Два румба вправо! — Лодка повернула в нужную сторону после того, как Фарис налегла на руль.

Очертания в тумане стали более отчетливыми, и никаких следов второй флюк-лодки. Несомненно, она пряталась между двумя волнами. Потом Джорон ее увидел, поднимающую вверх на гребне волны. Женщины и мужчины гребли изо всех сил, направляя ее вперед. «Клянусь сиськами Старухи, это опасно, — подумал Джорон, — торговец велик, и,

если они допустят ошибку, флюк-лодка разобьется в щепки, ударившись о борт».

— Гавит!

Юноша поспешил к нему, наклонившись как можно ниже, чтобы не перевернуть лодку.

— Слушаюсь, хранитель палубы.

— Как далеко ты можешь забросить абордажный крюк и не промахнуться, Гавит? — спросил Джорон.

Флюк-лодка исчезла за очередной волной, и не приходилось сомневаться, что она скользит вниз во впадину между волнами, и спуск этот круче склона любой горы. Джорон ощутил головокружение. От этого перехватывало дыхание, которое и без того сковывал холод.

— Я могу бросить на двадцать пять пядей, хранитель палубы, — прокричал юноша сквозь вертикальный дождь, струи которого превращали его кожу в глазурь.

Джорон кивнул, и вода хлынула с его капюшона. Учитывая обычное преувеличение, характерное для молодого дитя палубы, когда он говорил о своих способностях, им придется подплыть ближе, чем Джорону хотелось бы. Кажется, длина флюк-лодки составляет около десяти пядей? Даже если повернуться бортом, они окажутся ближе, чем любой человек в здравом уме посчитает возможным в такую погоду. Две хороших волны, и их разобьет о торговца.

— Тогда приготовься к броску. — Джорон взял абордажный крюк — к концу более толстого буксирного каната была привязана тонкая веревка, — и вложил его в руку юноши. — Чем быстрее мы сможем начать грести в сторону от торговца, тем лучше.

Они перевалили через высокую волну, и Джорон посмотрел на корабль торговца. Его команда — не так уж и много, может быть, человек двадцать — бегала по палубе, покрытой льдом. Две большие мачты были сломаны и волочились по воде. Команда отчаянно работала топорами, пытаясь поскорее от них избавиться. За ними находился

1. Принесенные сильным ветром

маленький невысокий островок, один из тысяч, обозначенных на карте крошечными пятнышками, но на нем имелись скалы, о которые мог разбиться корабль, и теперь, когда Джорон уже его видел, песня в нем стала немного громче. Затем флюк-лодка сильно качнулась, и он крикнул, чтобы команда гребла сильнее. Их несло прямо на корпус торговца, но, несмотря на все усилия, лодка продолжала к нему приближаться.

— Фарис! — крикнул Джорон. На них обрушились потоки воды, ветер хватал Джорона, когда он пробирался на корму, через ворчавших женщин и мужчин, изо всех сил налегавших на весла. — Направь нас к носу торговца! — прокричал он сквозь влажный воздух. Лодка набрала скорость. Ветер резко изменился и теперь дул им в лицо. Торговец рос на глазах. — Гавит, будь наготове!

Глаз Скирит, если они врежутся в корпус, им конец!

Взвыл ветер.

Абордажный крюк взлетел в воздух.

Скорость увеличилась еще больше.

— Гребите сильнее, мои девочки и мальчики! Если мы замедлим ход, то станем обедом длинноцепов! — Ему не требовалось кричать, его маленькая команда знала об опасности, и каждый изо всех сил тянул свое весло, сопротивляясь холодному морю, норовившему разбить их о большой корабль. Абордажный крюк, вылетевший из руки Гавита, рассекал воздух.

— Поворачивай, Фарис! Поворачивай! — кричал Джорон. Флюк-лодка мчалась вперед, борт торговца продолжал увеличиваться, поднимаясь на очередной могучей волне.

У них не хватит времени.

Слишком быстро.

Верная смерть.

Однако вздымавшаяся волна немного замедлила ход их лодки, и они проскочили перед самым носом торговца — жестоким, грубым и коротким. Джорон смотрел вслед ле-